

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ НА КУБАНИ.

(Изъ путевыхъ записокъ, веденныхъ на Кавказъ въ 1855 — 1856 годахъ.)

I.

Осенью, по окончаніи послѣдней Турецкой войны, мнѣ случилось проѣзжать по Кубанской линіи.

Въ Георгіевскѣ я своротилъ съ большой дороги и поѣхалъ на Пятигорскъ, надѣясь скорѣе отыскать тамъ обывательскую подводу до станицы С*. Въ станицѣ С* жилъ добрый товарищъ моего дѣтства, хорунжій Х*, съ которымъ я не встрѣчался съ самаго дня выпуска, и теперь не хотѣлъ пропустить удобнаго случая увидѣться съ нимъ.

Мнѣ предстояло проѣхать съ небольшимъ сто верстъ. Была прекрасная осень, сильныя жары прошли, дождей еще не было, дороги не успѣли испортиться, и, слѣдовательно, путешествіе не представляло ничего затруднительнаго; напротивъ, оно было даже пріятно. Въ качествѣ путешественника, я запасся бумагою и карандашемъ, рѣшившись записывать все, что мнѣ встрѣтится любопытнаго. И какъ не встрѣтить много любопытнаго, путешествуя по Кавказу?

Я пробывъ лишь нѣсколько дней на Кубани, но видѣлъ столько новаго, слышалъ столько разсказовъ о пограничномъ житьѣ-бытьѣ, что не могъ оставить запасъ моего портфеля безъ употребленія.

Плодомъ моихъ тогдашнихъ наблюденій и впечатлѣній я хочу теперь подѣлиться съ читателями, предъувѣдомляя ихъ,

что все мною слышанное я рѣшился передать въ той самой простотѣ, какъ оно мнѣ рассказано.

Прежде всего бросимъ общій взглядъ на Верхне-Кубанскую линію и характеръ ея коренныхъ обитателей.

Прикубанская мѣстность не производитъ на путешественника сильнаго впечатлѣнія, въ особенности, если онъ видитъ се послѣ живописныхъ окрестностей Пятигорска. Та часть, въ которой мнѣ довелось быть, представляетъ обширную равнину, простирающуюся до самаго подножія главнаго Кавказскаго хребта. Нѣкоторыя отдѣльныя возвышенности и глубокія котловины, поросшія вѣковыми лѣсами, не могутъ измѣнить общаго степнаго характера мѣстности.

Съ обитателями Кубанской линіи, линейными казаками, и съ бытомъ ихъ я имѣлъ случай познакомиться еще нѣсколько ранѣ этой поѣздки, во время моего двухлѣтняго пребыванія на Кавказѣ.

Казачія станицы Кубанской линіи, большею частію, обрѣты ровомъ, за которымъ находится валъ, увѣнчанный высокими колючимъ плетнемъ. Станица имѣетъ нѣсколько воротъ. Въ мѣстахъ опасныхъ, надъ воротами устраиваются вышки, на которыхъ день и ночь стоятъ часовые. Близъ станичнаго правленія находится казарма и при ней конюшня для казачьяго резерва, который обязанъ выскакивать на тревогу, въ случаѣ появленія въ окрестностяхъ непріятельской партіи. Оборона станицъ усиливается двумя пушками, при которыхъ должность артиллеристовъ, по большей части, исполняютъ казаки, служившіе въ конныхъ батареяхъ кавказскаго линейнаго войска.

Церкви во многихъ станицахъ имѣютъ каменную ограду, съ бойницами. Это—последнее убѣжище жителей, въ случаѣ, если горцы ворвутся въ станичныя ворота. На сколько подобное внутреннее укрѣпленіе полезно, можно пояснить примѣромъ. Въ Сенгилеевской станицѣ (*), мнѣ рассказывали, что, въ 1848 году, горскіе хищники, въ числѣ около 2,000 человекъ, ворвались въ станицу; но жители успѣли запереться за церковною оградю, отразили первое нападеніе хищниковъ и держались тамъ до тѣхъ поръ, пока не подоспѣли наши отряды.

Обитатели станицъ — или здѣшніе казаки-старожилы, или

(*) Станица Ставропольскаго казачьяго линейнаго полка, верстахъ въ 30 отъ Ставрополя.

недавно переселенные сюда изъ разныхъ губерній. Старожилы, большею частію, выходцы съ Дона и Хопра. «Это еще дѣды наши вышли, а ужъ родители-то наши тутъ родились!» говорилъ мнѣ одинъ пожилой казакъ. Что же касается недавнихъ переселенцевъ (изъ крестьянъ), то вотъ что мнѣ рассказывали о переселеніи ихъ на Кубанскую линію:

По мѣрѣ успѣховъ нашего оружія на Кавказѣ, укрѣпленныя казачьи линіи, съ каждымъ годомъ, глубже и глубже вдаются въ земли непокорныхъ горцевъ. Для заселенія станицъ на этихъ новыхъ линіяхъ, требуются казаки старые, не только ознакомленные съ краемъ и духомъ противниковъ, но и хорошіе хозяева, потому что вновь заводить хозяйство, при близкомъ соудствѣ непокойнаго и предприимчиваго непріятеля, нелегко.

Въ прикубанскихъ станицахъ, казаки кидали жеребій между собою и, по рѣшенію жеребья, выселялись цѣлыми семьями на новую землю. Для замѣщенія же убыли въ тѣхъ станицахъ, изъ которыхъ они выходили, назначались переселенцы.

Переселялись, большею частію, мужики небогатые, которымъ нечего было покидать на родинѣ: «отъ добра добра не ищутъ». Обыкновенно, нѣсколько семей вмѣстѣ, сложившись между собою, покупали лошадь и тележку, на которую складывали свое скудное имущество, а сами шли пѣшкомъ. По прибытіи на линію, прежде всего давалось имъ три года льготнаго времени, для устройства хозяйства. Кромѣ того, отпускалось переселенцамъ пособіе отъ казны на постройку домовъ; земли каждый получалъ вдоволь.

Водворившись на Кубани, переселенецъ дѣлается казакомъ-линейцемъ, и жизнь его начинается изъ двойственной заботы война и земледѣльца. Слѣдующіе послѣ льготы три года переселенецъ употребляетъ только на ближайшую постовую службу: здѣсь онъ знакомится съ кавказскою войною. Это его первоначальная школа. «Добрые ребята переселенцы эти—говорилъ мнѣ одинъ старый казакъ—да видовъ еще не видывали, за Кубань не хаживали, ну, и не приловчились, бѣдняги, и тяжело имъ возиться съ Азіятами!» Но безпрестанныя стычки съ непріятелемъ служатъ переселенцу скорымъ способомъ къ его военному образованію. Что же касается до его хозяйства, то оно устраивается по образцу хозяйства другихъ казаковъ.

Вообще, всѣ казаки занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ

и пчеловодствомъ, а нѣкоторые разводятъ виноградъ и дѣлаютъ вино. Всякій казакъ имѣетъ лошадь и пары двѣ рабочихъ воловъ. Бѣдности и нищеты вы не встрѣтите на линіи. Земля здѣсь сторицею вознаграждала бы труды земледѣльца, если бы горы не наносили иногда самыхъ чувствительныхъ ударовъ казацкому хозяйству.

Въ станицѣ каждый казакъ живетъ подъ охраною своихъ товарищей; но богатому казаку жизнь въ станицѣ представляетъ большія неудобства, потому что богатство его заключается въ домашнемъ скотѣ, котораго содержаніе въ станицѣ стоитъ очень дорого, такъ какъ стадамъ дозволяется оставаться въ полѣ лишь отъ восхода до заката солнца, и то только въ ясные, свѣтлые дни. Богатому казаку, т. е. имѣющему значительное стадо, жить въ станицѣ, кромѣ дороговизны сухаго корма, представляетъ еще неудобство и тѣснота: некуда дѣвать ни самихъ животныхъ, ни сдѣланныхъ для нихъ запасовъ. Вотъ что заставляетъ казака перебраться изъ станицы на хуторъ.

Наружнымъ видомъ и устройствомъ казацкіе хутора на Кубанской линіи напоминаютъ хутора Малороссіи. Мѣста для нихъ выбираются, обыкновенно, въ отдаленіи отъ станицы, иногда верстахъ въ двѣнадцати или въ пятнадцати отъ нея, преимущественно близъ воды. На избранномъ мѣстѣ казакъ строитъ избу, конюшни, хлѣва и другія хозяйственныя заведенія, обноситъ все это, по кавказскому обычаю, крѣпкимъ заборомъ, съ хорошими воротами, и тутъ же, поблизости, заводитъ огороды, поля для посѣвовъ, пастбища и сады.

Неподалеку отъ одного хутора выстраивается другой, тамъ третій и такъ далѣе. Всѣ эти строенія тонутъ въ густой зелени; всѣ они разбросаны въ живописномъ беспорядкѣ, безъ всякаго плана, на довольно значительномъ пространствѣ. Неудобство жизни на хуторѣ состоитъ въ томъ, что жилища эти служатъ почти всегда приманкою хищникамъ. Казаки, въ нихъ обитающіе, озабочиваясь собственною обороною, не всегда могутъ помогать другъ другу; къ тому же, хуторянъ мало, а станицы далеко, и потому не всегда имѣютъ возможность подать своевременную помощь хутору, на который произведено нападеніе. Такимъ-то образомъ, если наружный видъ хуторовъ Кубанской линіи и напоминаетъ Малороссію, за то жизнь въ этихъ хуторахъ имѣетъ

мало общаго съ мирною жизнью и хуторами благословеннаго юга Россіи.

Несмотря на непрерывно грозящую имъ опасность, казаки живутъ въ своихъ хуторахъ не только не тревожась этою опасностію, но даже, можно сказать, безопасно. Эта безопасность лежитъ въ ихъ малороссійской, или, вообще, русской натурѣ, отчасти же проистекаетъ изъ того обстоятельства, что казаки, родившіеся на Кубани, никогда и не думали о болѣе спокойной жизни и съ дѣтства привыкли къ мысли о непрерывной опасности, какъ къ самой обыденной вещи.

Рогатый скотъ, составляющій главное богатство казаковъ, довольно хорошей породы. Онъ употребляется въ домашнемъ быту для всѣхъ полевыхъ работъ. Кожи его идутъ, между прочимъ, на выдѣлку ремней. Сыромятные ремни кавказской выдѣлки извѣстны у насъ подъ общимъ именемъ кабардинскихъ. Они тонки, мягки и никогда не раскисаютъ. Съ самой сытой скотины, въ особенности убитой осенью, выходятъ самые лучшіе ремни. Способъ ихъ выдѣлки весьма простъ. Снятую шкуру сейчасъ же очищаютъ отъ шерсти, развѣшиваютъ на солнцѣ и тутъ же начинаютъ ее мять руками. Вотъ и весь процессъ приготовленія здѣшнихъ кожъ. Потомъ ее разрѣзываютъ на ремни и выкрашиваютъ кольгою. Хорошій работникъ въ день успѣваетъ приготовить половину цѣлой кожи.

Изъ ремней, выдѣланныхъ по этому способу, готовятъ пояса шачечныя и ружейныя перевязи, уздечки, подпруги, пахвы, недоуздки и треноги. Если ремни не должны черниться, то, при выдѣлкѣ ихъ, очищенная отъ шерсти кожа должна быть тщательно вымыта водою съ мыломъ. Самые бѣлые ремни выходятъ изъ черной скотины. Они употребляются исключительно на сѣдельныя принадлежности и съ серебрянымъ наборомъ составляютъ предметъ щегольства между офицерами и зажиточными казаками.

Обыкновенные же ремни, квашеные, выдѣлываются казаками мало и идутъ собственно на упряжь. Выдѣлкою ихъ занимаются съ успѣхомъ крестьяне Ставропольской губерніи. За выдѣлку кожъ платятъ весьма недорого; а чаще дѣлается уговоръ, что половина выдѣланныхъ ремней принадлежитъ хозяину кожи, а другая—кожевнику.

Но какъ ни хороши ремни, выдѣлываемые казаками, они все-

таки далеко уступаютъ черкесскимъ. Черкесскій способъ выдѣлки ремней такой же, что и у казаковъ; но черкесскій ремень мягче, тоньше и прочнѣе. Казаки охотно вымѣниваютъ ихъ у горцевъ, вмѣстѣ съ другими предметами. Объ этой мѣнѣ можно сказать нѣсколько словъ.

На линіи и при нѣкоторыхъ укрѣпленіяхъ за Кубанью устроены особые дворы, куда собираются, въ извѣстные дни, казаки и горцы на *сатовку*, какъ говорятъ на Кавказѣ (*). Мѣнновой дворъ раздѣляется поперекъ двумя параллельными рѣшетками, на разстояніи шага или двухъ одна отъ другой. Съ одной стороны этихъ рѣшетокъ собираются казаки, съ другой—горцы. Устройствомъ такого порядка удерживаются столкновенія между воинственными торговцами.

Немирные горцы привозятъ свои товары въ ближайшіе аулы, поручая промѣнивать ихъ своимъ кунакамъ, а часто, пользуясь случаемъ поближе взглянуть на Русскихъ, и сами вмѣшиваются въ толпы мирныхъ горцевъ. Каждый изъ нихъ, являющійся на ставку, обязанъ гдѣ нибудь оставить свое оружіе; при себѣ позволяютъ имѣть одни кинжалы, да и то только изъ уваженія къ обычаю закубанцевъ. Въ промежуткахъ между рѣшетками ходятъ полицейскіе солдаты, обязанные наблюдать не только за порядкомъ, но и за тѣмъ, чтобы всѣ пріобрѣтаемые отъ горцевъ товары представлялись въ карантинъ, гдѣ они выдерживаютъ опредѣленный срокъ или подвергаются окуркѣ, въ предупрежденіе заразныхъ болѣзней, появляющихся иногда въ закубанскихъ аулахъ.

Предметы мѣны до крайности разнообразны: всякій мѣняетъ, что можетъ, иные даже не по нуждѣ, а просто изъ страсти къ мѣновымъ сдѣлкамъ или изъ желанія потолкаться въ толпѣ и послушаться базарныхъ толковъ.

— Эй, знакомъ! кричитъ казакъ, что есть мочи, перевѣшиваясь черезъ рѣшетку.

Горецъ приближается.

— Чекмень сату? (Черкеска продается?)

(*) До 1856 года мѣновые дворы на кавказскихъ линіяхъ, кажется, находились только при карантинныхъ заставахъ Амарь-Аджи-Юртовской, Червленской, Проладинской — на лѣвомъ, и Прочно-Окопской, Усть-Лабинской и Баталпашинской — на правомъ флангахъ. Сверхъ того, при станицахъ: Пришибинской и Бургустанской, въ крѣпости Нальчикъ и, наконецъ, при укрѣпленіяхъ: Махашевскомъ, Темиргоевскомъ и Тенгинскомъ.

— Сату! отвѣчаетъ важно горецъ.

— Что сату? (Что стбитъ?)

— Два сомъ... три сомъ (т. е. два рубля, три рубля).

Начинается переторжка. Казакъ изъ всѣхъ силъ бьется доказать, что три рубля дорого, да и хотѣлъ-то, вишь, горецъ за нее всего два; но горецъ не податливъ и умѣетъ настоять на своемъ.

— Заптра придошь.... сегодня нѣтъ сату! отвѣчаетъ онъ важно, отодвигаясь отъ рѣшетки.

Въ устахъ горца это отказъ рѣшительный, потому что онъ отъ своихъ словъ уже ни подъ какимъ видомъ не отступитъ. Полицейскіе, между тѣмъ, зорко смотрятъ, чтобы купленное у горца не отправилось въ станицу безъ карантиннаго визита, а визитъ этотъ, въ свою очередь, казакъ не жалуется, по той причинѣ, что онъ всегда требуетъ кое-какихъ непредвидимыхъ расходовъ.

Горцы, обыкновенно, выставляютъ, являясь на мѣновой торгъ: готовую одежду, шитыя наговицы, чевяки, сукна, ремни, курпей, бурки, галуны, сафьянныя издѣлія, роскошно вышитыя серебромъ и золотомъ, и тому подобныя вещи, но самое главное — строевой лѣсъ всѣхъ возможныхъ сортовъ. Горцы отдаютъ его за весьма низкую цѣну: такимъ образомъ, цѣлая арба (пудовъ сорокъ) обходится казакамъ по 90, 80 и даже 75 копѣекъ.

Съ нашей стороны промѣнивается отъ правительства соль, въ которой за Кубанью чувствуется большой недостатокъ. Соль больше продаютъ на чистыя деньги, отъ 40 до 30 к. сер. за пудъ. Послѣ соли первое мѣсто занимаютъ лавочные товары, наконецъ пшеница, ленъ, фрукты, деревянная посуда, ложки, миски, а отчасти рогатый и въ особенности рабочій скотъ.

Мелочная торговля и здѣсь, какъ на всемъ Кавказѣ, почти вся безъ исключенія находится въ рукахъ Армянъ. Въ ихъ лавкахъ вы найдете: холстъ, полотна, ситцы, шерстяныя и шелковыя, преимущественно кавказскія, матеріи и другія всевозможныя ткани, отъ грубой китайки до дорогаго атласа. Пріѣзжаютъ сюда съ товарами и русскіе кушцы, извѣстные подъ именемъ «коробочниковъ».

Казаковъ, занимающихся собственно какимъ нибудь ремесломъ, мало. Есть плотники, сапожники, сѣдельники, кожевники,

портные; но всё эти ремесла не составляютъ исключительныхъ занятій отдѣльныхъ лицъ. Въ нѣкоторыхъ станицахъ живутъ серебрянники, весьма хорошо обдѣлывающіе оружіе и другія вещи подъ чернъ. Женщины, кромѣ домашнихъ работъ, ткуть галуны, валяютъ шерсть, выдѣлываютъ сукна. Многія вышиваютъ по сафьяну золотомъ и серебромъ; но и эта работа въ отношеніи чистоты и вкуса далеко уступаетъ черкесской.

Одежда и вооруженіе линейныхъ казаковъ столько разъ описаны, что говорить объ этомъ было бы излишнимъ повтореніемъ. Боевой и домашній костюмъ ихъ все одна и та же черкесска произвольнаго цвѣта. Форменные мундиры надѣваютъ рѣдко. Старики носятъ низенькія папахи и черкесски безъ гозырей. Женщины одѣваются въ русское платье и носятъ головной платокъ по русски.

Казацкая пирушка никогда не обходится безъ воинственныхъ пѣсень, безъ стрѣльбы изъ ружей и пистолетовъ. Настоящій казакъ бвзъ кинжала и пистолета не сдѣлаетъ и шагу, и, по первому предложенію, нѣсколько выстрѣловъ разомъ загремятъ въ хатѣ, гдѣ собрались на пирушку. Самъ хозяинъ слѣдуетъ общему увлеченію: онъ схватываетъ со стѣны ружье, и крики: «будь здоровъ!» смѣшиваются въ одинъ общій гулъ съ выстрѣлами. Казаки пьютъ и стрѣляютъ. Комната наполняется дымомъ и пороховымъ запахомъ; стекла звенятъ и дрожатъ отъ непрерывнаго грохота пистолетныхъ выстрѣловъ. Конечно, не хорошо, если они и совсѣмъ повывлетаютъ; но что же дѣлать, когда для казака не существуетъ гулянья безъ выстрѣла, точно такъ, какъ у насъ пляска — безъ пѣсни или музыки. Женщины давно привыкли къ подобнымъ продѣлкамъ своихъ мужей и спокойно занимаются въ уголку своимъ дѣломъ или еще и подчуютъ подгулявшихъ сожителей.

Даже мальчишки трехъ, четырехъ лѣтъ увлечены общимъ весельемъ и не хотятъ отстать отъ взрослыхъ, трутся между ними и лепечутъ «дядинька, дай миѣ, дай миѣ!... пускай я выстрѣлю!...» Старый казакъ со снисходительною улыбкою даетъ мальчику заряженный пистолетъ. Пистолетъ и ружье замѣняютъ ему дѣтскія игрушки: какже не сдѣлаться ему современемъ истиннымъ, лихимъ, кавказскимъ наѣзникомъ!

Что касается до женскихъ забавъ, то здѣсь сохранился хо-

роводъ, который составляется преимущественно по праздничнымъ днямъ, вездѣ, гдѣ только соберутся молодые казачки. Дѣло, обыкновенно, идетъ чинно, пока не вмѣшаются парубки; съ парубками же является непремѣнная гармоника, иногда и скрипка, пѣсни дѣлаются живѣе, пляска разнообразнѣе, и отъ хоровода незамѣтно переходятъ въ игры: горѣлки, кошка-мышка, и другимъ все болѣе и болѣе шумнымъ забавамъ.

Но самое оживленное время въ станицѣ это, конечно, послѣдніе дни масляницы. Казачки собираются на станичную площадь и ходятъ хороводами; казаки ѣдутъ туда же верхами; собирается почти вся станица; садятся на коней молодые, садятся и старики, уже давно отслужившіе срокъ свой... Начинается джигитовка.... чудесная кавказская джигитовка!... Едва ли найдется волтижерская труппа, которую можно бы поставить въ уровень съ кавказскими джигитами, конечно, если возьмемъ въ соображеніе, что джигитовка производится въ чистомъ полѣ, часто на бѣшеныхъ коняхъ и людьми, обвѣшанными оружіемъ.... Вотъ во весь духъ несется казакъ; онъ стоитъ на сѣдлѣ и машетъ папахою. Другой бросилъ поводья и, свѣсившись съ сѣдла, загребаетъ рукою землю, песокъ, а если щедрые господа бросаютъ деньги — подниметъ и пяточокъ!... Третій на всемъ скаку соскакиваетъ съ лошади и, не останавливаясь, опять вспрыгиваетъ въ сѣдло; а тотъ, на полномъ карьерѣ, спѣшился, положилъ на землю коня и стрѣляетъ изъ-за него, какъ изъ-за бруствера... и все это дѣлается съ гикомъ, съ безконечною стрѣльбою изъ ружей и пистолетовъ. «Что пороху потратить этого—говорилъ мнѣ одинъ казакъ—не дай Богъ.... просто, фунтовъ не меньше, какъ десять, иной растрѣляетъ!...»

При этомъ составляются пари: стрѣляютъ въ бумагу, ставятъ на землю яйцо или небольшую рюмку, и джигитъ долженъ на скаку разбить ее изъ пистолета. Съ одного русскаго купчика, забравшагося посмотреть на такую диковинку, скакавшій мимо казакъ сорвалъ вдругъ шапку, кинулъ ее вверхъ, и въ одну минуту другіе казаки осыпали ее ружейными выстрѣлами: шапку разбили вдребезги.... Можно себѣ представить положеніе ошеломленнаго купчика!...

Не всегда, однако, дѣло обходится безъ неприятныхъ случаевъ; но это не побуждаетъ казаковъ оставить джигитовку.

Однажды, я заговорилъ съ казакомъ о печальномъ приключеніи, случившемся во время джигитовки, и прибавилъ: (*)

— Что жь вы не бросаете джигитовки послѣ такихъ случаевъ?

— Зачѣмъ бросать? отвѣчалъ казакъ: — никогда не бросимъ. Пока живы, все джигитовать будемъ: этого никто не запретить. А что вотъ насчетъ этого-то, что вы говорите мнѣ, такъ ужь это, видно, судьба ихъ была такая!...

II.

— Вонъ и станица, ваше благородіе! сказалъ мнѣ казакъ-подводчикъ, указывая кнутомъ впередъ по дорогѣ: — вотъ кресты замаячили.

— Далеко до нея?

— Нѣтъ, недалечко: вотъ подъ горку спустимся — она и будетъ.

— Ну, такъ, потрогивай, братъ!

Казакъ прикрикнулъ на лошадей, и скоро мы вѣхали въ станицу. Я прочелъ крупную надпись на черной доскѣ, прибитой къ воротамъ: *«Станица такая-то; такою-то кавказскою линейною казачьяю полка; домовъ столько-то; жителей столько-то.* Я остановилъ перваго попавшагося мнѣ казака и спросилъ его;

— Знаешь ты хорунжаго **?

— Знаю.

— Гдѣ онъ живетъ?

— На хуторѣ.

— А гдѣ хуторъ?

— Верстовать пять отъ станицы, больше того не будетъ.

— Какъ бы мнѣ достать провожатыхъ туда?

— Отчего недостатокъ, ваше благородіе, отвѣчалъ онъ, разсмотрѣвъ мою офицерскую фуражку: — это можно. Да вы къ нимъ изволите ѣхать? спросилъ онъ, помолчавъ немного.

— Къ нему.... Безъ провожатыхъ я не найду дороги.

(*) Два казака гнались одинъ за другимъ. Задній выстрѣлилъ изъ пистолета и попалъ переднему въ черкеску — черкеска зажглась. Тогда тотъ обернулся на сѣдлѣ, выстрѣлилъ изъ ружья назадъ и положилъ своего товарища на мѣстѣ. Все дѣло произошло оттого, что зарядъ въ ружьѣ былъ прибитъ не паклею, а волосомъ изъ конской гривы. Другой казакъ выстрѣлилъ около хоровода и пыжомъ ранилъ одну дѣвушку: рана была такъ значительна, что ей едва не отрѣзали ногу.

— Точно, ваше благородіе, коли не были, не найдете. Гдѣ ужь искать ее, дорогу-то....

Пока казакъ отправился отыскивать провожатыхъ, я, въ ожиданіи его возвращенія, сѣлъ на завалинку у его хаты. Такъ просидѣлъ я долго. Приближался вечеръ. Передо мною прошелъ казацкій скотъ, пробѣжалъ небольшой, рѣзвый табунъ лошадей, проѣхало нѣсколько казаковъ, вѣроятно, возвращавшихся съ окрестныхъ пикетовъ. Скоро улица опустѣла, и я съ прискорбіемъ замѣтилъ, что станичныя ворота заперались.

Что было дѣлать?... Твердо рѣшившись ночевать на хуторѣ, я кинулся къ станичному начальнику. Казачьяго офицера не было дома, и его должность исправлялъ на этотъ разъ урядникъ. Узнавъ, кто я и куда ѣду, онъ согласился пропустить меня, но не иначе, какъ въ сопровожденіи трехъ или, по крайней мѣрѣ, двухъ линейцевъ. Къ счастью, казаки мои были готовы.

— Ну, ѣжайте себѣ, ваше благородіе, часъ добрый! говорилъ урядникъ, провожая меня на крыльцо: — да только торопитесь ѣхать-то: на дворѣ ночь близка, а по ночамъ тутъ ѣздить не совсѣмъ ладно. — Да вы смотрите, обратился онъ къ казакамъ: — не вздумайте съ ихъ благородіемъ ближайшей дорогой ѣхать.

— Не поѣдемъ, Вавило Гарасимычъ! отвѣчали успокоительнымъ голосомъ казаки, уже совершенно готовые въ путь и ожидавшіе меня у хаты, сидя на коняхъ.

Тутъ же стоялъ и конь, приготовленный собственно для меня, потому что подводчикъ ѣхать къ ночи отказался.

— Ну, то-то же, смотри, не ѣзди, ребята!... Часъ вамъ добрый! заключилъ урядникъ.

Мы выѣхали изъ станицы и пустили лошадей рысью.

— Что это за ближняя дорога, про которую говорилъ урядникъ? спросилъ я у казаковъ.

— Да она вотъ тутъ вотъ и пошла направо по-за-станицею, ваше благородіе! Днемъ-то мы, точно, по ней ѣздимъ, ну а ночью, пожалуй, и не проѣдешь: балокъ много, а здѣсь дорога битая.

Въ полѣ стемнѣло совершенно: мы едва различали дорогу. Однако, проѣхавъ нѣсколько верстъ, я сталъ замѣчать сквозь густой мракъ осенней ночи тянувшіеся по сторонамъ нашей дороги сады и огороды, вѣроятно, принадлежавшіе хуторянамъ.

— Спустимся въ балку, и хуторъ хорунжаго видать будетъ, замѣтилъ одинъ изъ казаковъ.

И, дѣйствительно, мы спустились въ какую-то грязную яму, и передо мною зачернѣли длинныя заборы, принадлежавшіе, повидимому, къ какому нибудь строенію.

— Сюда, сюда, ваше благородіе, здѣсь ворота къ нимъ, заговорилъ опять казакъ, спрыгивая съ лошади и принимаясь, что было силы, барабанить въ толстыя запертыя ворота.

Скоро на дворѣ блеснулъ свѣтъ фонаря и послышались шаги.

— Кто тамъ? окликнулъ насъ голосъ.

— Свои, братъ! отвориай ворота-то!... Эка сырость, подумаешь: до костей пробрало! ворчалъ мой казакъ.

— Да кто вы такіе?

Станичники отозвались.

Опрашивавшій насъ казакъ не прежде отперъ ворота, какъ удостовѣрился въ дѣйствительности своихъ станичниковъ. Мы вѣхали во дворъ, очень обширный, какъ показалось мнѣ съ перваго раза.

— Ну, слава Богу, доѣхали, говорили между собою казаки, слѣзая и проваживая лошадей.

— А что, хорунжій дома? спросилъ я у казака, тщательно запиравшаго за нами ворота.

— Ихъ нѣту: они выѣхавши, ваше благородіе!

«Вотъ тебѣ и на», подумалъ я: «что же изъ этого будетъ?» Казакъ поспѣшилъ успокоить меня.

— Въ комнаты пожалуйте, заговорилъ онъ: — погрѣтесъ у насъ, а то ночи-то ишь какія холодныя стали. И то, видно, дѣло къ зимѣ идетъ.

Я послушался совѣта, передалъ лошадь подошедшему ко мнѣ человѣку и пошелъ вслѣдъ за казакомъ.

Поднявшись на небольшое крылечко, онъ отворилъ передо мною двери, и я прямо очутился въ чистой и просторной комнатѣ, сколько могъ разглядѣть ее при слабомъ свѣтѣ горѣвшей тамъ свѣчи. Казакъ помогъ мнѣ снять дорожное платье.

— Такъ какъ же, хорунжаго-то нѣтъ дома? спросилъ я вторично, чтобы начать разговоръ.

— Нѣтъ, нѣту, ваше благородіе! они день пять, какъ уѣхавши на службу.

— Куда жь это?

— Да все жь по постамя, ваше благородіе, находятся.

— Досадно, братъ!

— Да они завтра къ вечеру домой будутъ. Погостите у насъ, ваше благородіе: путь не близкій ѣхали. Самоварчикъ-то съ дороги прикажете ли?

— Дѣло!

Пока онъ возился съ самоваромъ, я началъ осматривать комнату. Въ ней не было ничего особеннаго: мебель простая, столъ накрытъ бѣлою, чистою скатертью, показывающею опрятность и порядочныя привычки хозяина; надъ кроватью, покрытою краснымъ канаусовымъ одѣяломъ, прибитъ былъ къ стѣнѣ коврикъ. На немъ висѣло множество оружія въ превосходной серебряной оправѣ: видно, что хозяинъ охотникъ и не жалѣлъ на оружіе денегъ. Тутъ же, по стѣнѣ, развѣшены сѣдла, уздечки, бурки, башлыки и другіе казацкіе доспѣхи. Все чисто, въ порядкѣ, все такъ и напоминаетъ Кавказъ съ его боевою обстановкою.

Вошли провожавшіе меня казаки.

— Ну, что скажете, братцы?

— Да намъ и до станицы пора, ваше благородіе: ночь-то ужь добре темна стала. Вы ужь увольте насъ.

— Да вы бы ночевать остались.

— Заночевывать-то не приходится: дома ждать стануть.

— Ну, какъ хотите.

Я простился съ ними, и черезъ минуту скрипъ воротъ и топотъ удалявшихся всадниковъ возвѣстили мнѣ объ ихъ отъѣздѣ.

Они проѣхали благополучно, замѣчу въ скобкахъ; но дней черезъ пять послѣ этого Нагайцы подстрѣлили казака, возвращавшагося ночью съ поста по этой же самой дорогѣ.

Явился драбантъ (*) хорунжаго. Онъ накрылъ столъ и поставилъ передо мною самоваръ. Я предложилъ ему стаканъ чаю; онъ его принялъ, и между нами завязался разговоръ.

— Ну, что, какъ вы живете на хуторахъ? спросилъ я его: — хорошо ли вамъ?

— Чѣмъ же дурно, ваше благородіе: приволья такія!... Для скотинки тутъ хорошо: въ этомъ главное дѣло. Да кабы не эти проклятые Нагайцы, такъ такое житье было бы, что и желать ничего не надо; ну, а теперъ, вотъ, точно, то и дѣло, что съ

(*) Драбантъ — конный вѣстовой казакъ, назначаемый къ офицеру для присмотра на службѣ за его верховою лошадыю. *Лет.*

ними возишься—нѣтъ никакого покою! Ни самому проѣхать, ни скотинку въ поле выгнать: такъ и сторожатъ, косматые дьяволы! Ужъ какое житье это! Иной разъ, жизнь самую, проклинать зачнешь: такъ надоѣстъ эта Азія! Вѣдь рѣдная недѣля безъ оказіи проходить.

— Какже вы живете здѣсь, когда такъ опасно?... Васъ теперь сколько на хуторѣ? спросилъ я, немного озадаченный разказами объ опасности.

— Только двое и есть, ваше благородіе: я да вотъ еще Нагаецъ одинъ—онъ изъ мирныхъ—такъ тотъ на конюшнѣ при лошадяхъ находится.

— Ну, а если Черкесы придутъ?

— Что жъ дѣлать! Божья воля. Коли Господь судилъ, такъ пусть насъ будетъ хоть десять человѣкъ, а и десять человѣкъ пропадутъ всѣ чисто. Развѣ они посты цѣлые теперь не вырѣзываютъ? а вѣдь постъ не то, что хуторъ, ваше благородіе! а иной разъ отъ врага и вдвоемъ отбиваются.... это ужъ все въ Божьей волѣ!

— Ну, а на ваши хутора нападали?

— Нападали, отвѣчалъ онъ, махнувъ рукою:—да вотъ еще недавно что было у насъ.... можетъ и вы слышали?

— А что такое?

— Да про Мирошника.

— Нѣтъ, не слыхалъ!

— А вотъ, коли не слыхали, такъ я расскажу, пожалуй, потому что дѣло-то это самое мнѣ доподлинно извѣстно: самъ тогда на хуторѣ былъ.

«Вотъ изволите ли видѣть, на самомъ краю хуторовъ нашихъ стоялъ хуторъ есаула ***. Онъ еще и станичникъ со мной будетъ, ваше благородіе!

«Самъ-отъ есаулъ почти не живетъ на немъ: человѣкъ онъ женатый и дѣти есть, такъ станичная жизнь для него не въ примѣръ покойнѣе, а досматривать за хозяйствомъ своимъ казакъ нанималъ.... и, точно, хорошія деньги платилъ имъ, потому, значить, что достатокъ, по нашему, имѣеть. Ну, а что теперь у него за земля эта, что за сады, что за огороды, и рѣчка бѣжить тутъ же у самага хутора; а ужъ это одно чего для хозяйства стоитъ!

«Жилъ у него на хуторѣ Мирошникъ, мельницу снималъ, и

такой былъ мужикъ богатѣющій, что и сказать нельзя! Мельница его работала день и ночь безпрестанно, одна была въ нашемъ краю, такъ сами знаете, ваше благородіе, какой доходъ приносила. Навезутъ къ этому Мирошнику, бывало, и ржи, и пшена, и другаго всякаго хлѣба, возовъ видимо-невидимо. Онъ, гляди, въ день и не управится, а выгоду свою тоже соблюдать хочетъ: вотъ онъ и работывалъ ночами-то. Оно хотя и не безъ того, чтобы опаски не было; ну, да думалось все какъ-то, что ничего! А ѣздили къ нему на мельницу и мирные Нагайцы. Они, можетъ, и не мирные совсѣмъ, да съ мирными билетами какъ прїѣдутъ, такъ кто ихъ разберетъ.... Такая Азія, что конца ей нѣту!

«Ѣздили, ѣздили они, да и высмотрѣли, что вотъ-де мужикъ-отъ богатѣйшій, и скота и животинки всякой, да и деньги тожъ довольно у него водится. Вотъ и задумали Азіяты извести Мирошника, да ужъ какже и принялись слѣдить его! Немало прошло времени, а ничего сдѣлать не могутъ, потому что мужикъ крѣпко свою осторожность наблюдаетъ. Придетъ, бывало, вечеромъ съ мельницы, помолится Богу, осмотрится и припретъ ворота здоровеннымъ засовомъ; окна тожъ толстыми ставнями затворялись, а опричь того и съ желѣзными рѣшетками они были у него. Къ тому же, хотя онъ былъ и мужикъ, а оружіе все чисто какъ быть слѣдуетъ имѣлъ, да исправный такой былъ по этой части, что казакъ все равно, а потому что нельзя: опасно на хуторахъ у насъ.

«Только и вышла ему такая статья: передъ самымъ передъ тѣмъ, какъ идти намъ въ Туречину, навезли къ нему на мельницу всякаго хлѣба возовъ, можетъ, не меньше, какъ съ полсотни. Работники поскладывали сейчасъ хлѣбъ въ сараи да и принялись за работу. День прошелъ, а они не скончали еще и половины. Мирошникъ и говорить:

«— Ну, ребята, ступай теперъ ужинать, отдохните, да опять за работу приниматься надо—вишь, она спѣшная—а тѣмъ часомъ и я пойду сосну маленько.

«Пришелъ онъ домой, поужиналъ съ хозяйкой своей, какъ всегда, заперъ двери и полѣзъ на палаты. А въ эту самую ночь проклятые Нагайцы—человѣкъ ихъ, думаю, десять было—и нагрянули на нашъ хуторъ. Какъ ужъ пробралась орда эта, неизвѣстно; только никто не видалъ и не слыхалъ ее. Кинулись

было они прямо на огонекъ къ мельницѣ—заперта. Поглядѣли, поглядѣли въ замочную скважину: нѣтъ Мирошника! а они всё его какъ есть и въ лицо знали. Что тутъ дѣлать?... Подумали, подумали, да и отправились прямо къ его хутору, обошли кругомъ, осмотрѣли—вездѣ заперто. Видятъ, силкомъ не возьмутъ тутъ, взяли да и притаились возлѣ самыхъ то есть воротъ мирошникова дома. Авось, молъ, ночью выйдетъ!

«Что жъ, ваше благородіе, вѣдь какъ на грѣхъ, такъ оно и вышло. О самую полночь проснулся Мирошникъ да и кличетъ:

«— Жена, а жена! засвѣти-ка, молъ, свѣчку.

«— На что тебѣ?

«— Да на мельницу, чай, сходить надо: безъ меня, поди, и работа станеть.

«— Вотъ вздумалъ по ночамъ таскаться! говоритъ жена.

«— Да что, по ночамъ-то! Впервые мнѣ ходить-то, что ли? Говорятъ тебѣ, работа встанеть. Вздуй огня-то.

«Ну, вздули огонь. Одѣлся онъ и говоритъ:

«— Только ты, смотри, двери-то, жена, припри за мною хорошенько: кабы чего не было!

«Да съ этими словами и вышелъ на дворъ, посмотрѣлъ на небо, а ночь тихая, тихая такая была. Перекрестился Мирошникъ, «благослови Господи!» говоритъ, а самъ только отворилъ калитку, какъ вдарятъ Азіаты съ четырехъ ружей, такъ и покатился Мирошникъ... Выскочила жена, да какъ увидитъ, что мужъ-отъ въ крови лежитъ, со двора долой да къ сосѣдямъ кинулась; пока достучалась тамъ, пока что, а Нагайцы какъ бросятся къ нему въ домъ, зажгли свѣчи да чисто перебуравили все: сундуки разбили, деньги забрали, одежду, оружію какая была, лошадей, все повывели! даже пухъ съ подушекъ выпустили и наволоки взяли.

«Вотъ она жизнь-то какая у насъ! А вѣдь что жъ сказать: разъ всего только и не уберется Мирошникъ!

«Покончили съ домою да къ мельницѣ: знали, что и тамъ всякаго добра мирошникова довольно есть. Прибѣгли туды, а двери заперты; стучали, стучали—не отпираютъ. Такъ они это какъ вдарятъ, вдарятъ со всѣхъ ружей въ двери-то — не беретъ! Видятъ, что только время даромъ проходитъ: позабирали сейчасъ добычу свою и посажались на коней...

«Какъ зачались эти выстрѣлы, постъ сейчасъ и выскочилъ

на тревогу, а два казака въ самую станицу побѣгли и туда дали знать: «Азіаты напали...» Выскочила цѣлая сотня; да ужь гдѣ тамъ искать ихъ! ушли, проклятые, за Кубань. Ничего имъ не доказали!

— Какъ же вы-то, хуторяне, не пошли на помощь? не слышали выстрѣловъ, что ли? спросилъ я.

— Эхъ, ваше благородіе, какъ выстрѣловъ не слышать! Признаться, я первый и услыхалъ ихъ, бужу брата нашего старшаго и говорю:

«— Чтой-то, кажется, у Кузьмы на хуторѣ съ трехъ ружей вдарили: кабы тамъ не было чего?»

«Да только сказалъ я эти слова, какъ загремятъ, загремятъ опять выстрѣлы у мельницы.»

«— Что за оказія?... Кабы не чересня! говоритъ старшій братъ, да и кинулись мы къ воротамъ.»

«Глядь, поглядь, анъ ужь и сотня бѣжитъ.»

«— Чтой-то у васъ завелось тутъ? спрашиваютъ казаки.»

«— Не знаемъ, говоримъ, а кабы не у Кузьмы Мирошника на хуторѣ дѣется чтой-то. Поспѣшайте, молъ, братцы!...»

«А чего поспѣшать-то! тамъ ужь давно все покончено!»

— Да сами-то вы что жь не пошли? спросилъ я съ досадою.

— Да куда жь идти-то? Вѣдь тожь и за свой хуторъ опаску имѣешь. Допрежь этого Азіаты какъ дѣлывали? заберутся на хутора и зачнутъ стрѣлять такъ, зря: вотъ и кинутся хуторяне на выстрѣлы-то, а тамъ ужь и нѣтъ никого. Прибѣжимъ назадъ, гляди: а дома у тебя пусто, и скотинку повывели и въ сундуки заглянули, а то жинка была, такъ и жинку взяли, и ребятишекъ забрали—вотъ оно какъ! Такъ мы ужь и взяли потомъ свою сноровку: «береги, молъ, каждый самъ себя». Страшно жить на хуторѣ, что говорить! да земля-то вдоволь. У кого какая домашность есть, такъ тотъ ужь поневоля живеть: для нея-то здѣсь какъ будто попривольный маленько—вотъ что!

— Ну, положимъ, это такъ; а разъѣзды чего смотреть?

— Да что жь разъѣзды! Вѣдь хутора-то не маленькіе: почитай тоже, что версты на четыре тянутся, да сады все, да пашни: глухія мѣста! Пройдетъ разъѣздъ въ одинъ конецъ, а на другомъ они словно изъ земли выростутъ да зачнутъ шутить. Одно слово — Азіаты: поди-ка, угонись за ними; а тожь

вѣдь и они зря не пойдутъ. Конечно, въ ину пору и имъ достается, не безъ того; да какъ-то это рѣдко: больше того они забираютъ насъ.

«Разъ вѣдь что случилось. Старшій братъ нашъ тогда еще на хуторѣ съ нами жилъ. Поужинали всею семьей, какъ водится. Братъ и говоритъ: «пойду я спать на дворъ сегодня: въ хатѣ что-то душно!» сказалъ онъ это, снялъ со стѣны винтовку — а она у него заряженная повсегда висѣла—и вышелъ. Обошелъ дворъ, осмотрѣлъ все, прислушался, а тихо такъ на дворѣ было, онъ и легъ у самыхъ воротъ—а ворота крѣпко-накрѣпко были приперты засовомъ—ружье свое положилъ тутъ же подъ буркою да и заснулъ. Только заснулъ, снится ему какой-то неладный сонъ — онъ и проснулся.

«— И такая, говоритъ онъ, оторопь меня взяла, что лежу и слышу, какъ во внутри все дрожить у меня. Прошло нѣсколько минутъ, вдругъ въ переулкѣ, возлѣ самыхъ воротъ, слышитъ братъ: «топъ-топъ-топъ» — ѣдутъ конные.

«Братъ приподнялся, да и смотреть: что, молъ, такіе за люди ѣдутъ? и видитъ, что всѣ въ буркахъ и башлыками бѣлыми позавязываны; посмотрѣлъ, посмотрѣлъ имъ братъ въ слѣдъ-то, видитъ, что проѣхали — а порядочное-таки и число ихъ было — легъ опять, да и думаетъ такъ, «что безпремѣнно это разъѣздъ прошелъ, кому же быть иначе? Нагайцы (*) не пойдутъ такъ открыто!» да на этомъ словѣ: «что, молъ, это разъѣздъ былъ», и началъ опять дремать; только нѣтъ, не спится, стало его все сумлѣнье брать.

«Зачѣмъ же это братъ башлыками позакрывались: на дворѣ, кажется, ни вѣтру, ни дождя нѣтъ, а проѣхали все такіе позавязанные, что только Азіятамъ въ пору. Эхъ, думаетъ, жаль, что не окликнулъ ихъ!»

«Только прошло съ полчаса времени, какъ стрѣльнетъ кто-то съ ружья. Братъ вскочилъ да къ калиткѣ, приотворилъ ее да и смотритъ на улицу; а на улицѣ порядочная-таки темень была: извѣстно, осенняя ночь! Вдругъ слышитъ, кто-то повернулъ въ

(*) Вообще, у казаковъ праваго фланга всѣ черкесскія племена, обитающія за Кубанью, извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ: Нагайцы, точно такъ же, какъ на лѣвомъ флангѣ всѣ народы, населяющіе Чечню и Дагестанъ, попросту называются Татарами.

нашъ переулочъ да на добромъ, проѣздномъ конѣ ѣдетъ (*). Братъ всматриваться — видитъ: конь сѣрый. Что, молъ, за окаязія? я такого коня у братьевъ не видывалъ. А ѣздокъ самъ ужь и безъ бурки и безъ башлыка сидитъ, кабы совсѣмъ и не подстать тѣмъ, что впереди его проѣхали; однако же, братъ свою осторожность взялъ.

«— Кто ѣдетъ? спрашиваетъ.

«Молчать.

«— Кто ѣдетъ? говорятъ тебѣ!

«Молчать опять, только ходу больше даль.

«Братъ сейчасъ курокъ на взводы; только услышалъ проклятый, что замокъ щелкнулъ.

«— Казакъ! говоритъ.

«Какъ сказалъ онъ это слово, братъ сейчасъ и слышитъ по выговору, что это вовсе не казакъ: какъ вдаритъ въ него съ ружья, да не попалъ, видно, потому что тотъ какъ припустилъ коня и ушелъ съ виду. Не успѣлъ братъ опомниться, какъ въ переулочъ еще сколько конныхъ людей повернуло, замѣтили брата да на бѣгу ужь, какъ вдарилъ въ него съ ружей; только Богъ помиловалъ: успѣлъ-таки онъ заскочить за ворота, да и на запоръ ихъ. Видитъ самъ, плохая шутка: чуть совсѣмъ не убили!

«А эти Азіаты — что сдѣлали? пріѣхали на хуторъ къ одному казаку, а казака дома не было; ворота приперты были плохо: они отворили ихъ да и вѣхали во дворъ и вывели съ конюшень восемь лошадей. Работники—а тожь и ихъ двое, не то трое было — хоть и слышали все, да не пошли съ хаты.

— Отчего же они не выскочили?

— Да, чего жь выскочить? тѣмъ и спаслись только, что не выскочили, а то непременно бы Азіаты убили ихъ.

«Ну, а выстрѣлъ-то, что братъ слышалъ, такъ ужь кто его знаетъ, откуда и былъ; должно такъ, Азіату какому что померещилось, онъ вдарилъ, зря. Убить-то никого не убилъ, а тревогу поднялъ: все дѣло испортилъ имъ.

«Вывели они лошадей съ конюшни, а назадъ-то гуртомъ всѣмъ возвращаться боятся, да больше поодиначкѣ, да по нѣскольку человекъ и пошли. Бурки сняли, башлыки тоже. Авось, думаютъ, хоть и попадемъ на кого, такъ въ потемкахъ казаками

(*) Проѣздъ — проходъ, ходъ, какъ называютъ ее на Кавказѣ, обще-употребительный аллюръ между кавказскими горцами.

обзовемся — на тревогу, молъ, выскочили — и пройдемъ!
Вотъ вѣдь на какія хитрости поднялись!

«Только вотъ что дальше-то было, ваше благородіе: вдарили это они съ ружей въ брата-то; а тутъ и разъѣздъ наскокилъ. Братъ и кричить: «Такъ и такъ, молъ, Азіаты были!» Кинулся разъѣздъ въ погоню; а Нагайцы проклятые все садами, все садами и ушли въ поле. Тутъ и сотня выскочила. Командиръ у нея джигитъ былъ — видитъ сейчасъ: плохая шутка вышла, на хуторахъ искать ихъ нечего, и побѣжалъ прямо къ Кубани: думалъ перенять партію на дорогѣ гдѣ нибудь. А Кубань-то отъ насъ верстахъ въ пятнадцати. Прискакали къ рѣкѣ; ѣздили, ѣздили казаки по берегу: нѣтъ, нигдѣ слѣдовъ не видно; вѣрно, партія заночевала въ Россіи (*). Оставилъ командиръ нѣсколько человѣкъ наблюдать по рѣкѣ, а самъ съ остальными и поѣхалъ къ станицѣ назадъ.

«Зорька только что стала заниматься. Глядятъ: обозъ казачій идетъ — догнали его.

«— Откуда ѣдете, братцы?

«— На посту ночевали.

Стали спрашивать ихъ: не видали ли Азіатовъ?

«— А кто ихъ знаетъ, говорятъ, видали какихъ-то людей, и заводныхъ лошадей, видѣли, ведутъ за собою; мы было ихъ и окликнули, да одинъ казаконъ обозвался: въ лѣсъ, молъ, по дрова посланы, затѣмъ и лошадей заводныхъ ведемъ, — да вонъ въ тотъ кустарникъ, что позади васъ остался, и завернули.

«Кинулась сотня назадъ. Непремѣнно, думаютъ, партія: какіе тамъ такіе казаки въ лѣсъ поѣдутъ.... Обшарили наши кусты всѣ, выѣхали въ лѣсъ, да ужъ по лѣсу-то ѣздили, ѣздили — пришлось такъ, что многіе отбились отъ своихъ, да заплутались даже — а все никого не видали. Можетъ, и правду ихъ тамъ не было, а можетъ и по балкамъ гдѣ спрятались — и это бываетъ. А ужъ и солнышко совсѣмъ подниматься стало. Ъдутъ казаки одинъ по одному изъ лѣсу. Что ты дѣлать станешь? куда только дѣвалась партія эта! и за Кубань не переходила, и тутъ ея нѣту. Постояли, постояли еще, да ни съ чѣмъ и поѣхали домой.

(*) Всѣ земли, лежащія по правому берегу Кубани, казаки называютъ «Россіа», всѣ земли, лежащія по лѣвому берегу этой рѣки до самаго Кавказскаго хребта — «Черкеснею». Это самопроизвольное раздѣленіе если не совсѣмъ правильно, то, по крайней мѣрѣ, не многословно и, слѣдовательно, ясно для казака. *Лет.*

«Только тутъ по дорогѣ у насъ балка есть — и глубокая такая, преглубокая — ѣдутъ мимо. Одинъ казакъ и примѣтъ, что трава-то кругомъ помята. Наклонились станичники, а слѣды по росѣ-то и видны. Бросились къ ложбинѣ; а тамъ, какъ разъ, четыре Азіята и есть! видно, партія по частямъ разбилась.

«Какъ увидѣли Азіаты, какъ польхнутся да къ конямъ! А станичники — братовъ, ихъ тожь, думаю, шестьдесятъ было, не меньше — и обкружили сейчасъ.

«— Выходите, кричатъ, чортовы дѣти! кидайте оружіе!

«А сами сейчасъ ружья съ чехловъ.

«Видятъ Азіаты, попались: поднялись на штуки.

«— Стой, говорятъ, казаки, не стрѣляйте: мы мирные.

«А гдѣ тутъ мирные! чуть не съ поличнымъ пойманы, а мирные! ну, и рожи такія разбойничьи, что плюнуть на нихъ только стоитъ; а сами бородачи все такіе, здоровенные челоуѣчины, да страшные, какъ есть конокрады.

«— Эй! не стрѣляйте! говорятъ вамъ, мы мирные, табунщики, въ табуны ѣздили, да заночевали въ полѣ.

«Ну, казаки опустили ружья.

«— Ну, коли вы мирные, говорятъ, бить васъ не станемъ, а вы давайте кагать (*) да ступайте за нами въ станицу: тамъ разберутъ, молъ, васъ.

«— Вотъ сейчасъ кагать! вотъ сейчасъ кагать!... а сами, знай, бурки увязываютъ.

«Ну, хорошо, подвязали они бурки, сѣли на коней и выѣхали изъ балки; наши тоже собираться зачали.

«— Гдѣ жъ кагать? спрашиваемъ мы; а эти Нагайцы какъ выхватятъ ружья вдругъ.

«— Вотъ наша кагать!... вдарили съ нихъ и завязжали въ шашки.

«Ну, признаться, они точно врасплохъ тогда насъ застали: ужъ никакъ не думали мы объ этакой штукѣ! Вѣдь ихъ всего четыре было, а противъ шестидесяти пошли... ужастные

(*) Кагатомъ называется билетъ, который выдается приставомъ или старшиною аула каждому горцу, желающему ѣхать на нашу сторону. Горецъ, отзывающійся мирнымъ, но не имѣющій билета, арестовывается, ибо здѣсь случается довольно часто, что подъ именемъ мирныхъ пріѣзжаютъ Черкесы изъ враждебныхъ намъ племенъ. Учрежденіе кагатовъ, разумѣется, не прекратило совершенно зла. Мирные Черкесы весьма часто даютъ свои билеты немирнымъ кунакамъ, и тѣ, подъ вѣхъ именовъ, свободно разгуливаютъ по нашимъ крѣпостямъ и станицамъ.

воины! какъ зачали они рубить направо, направо, прорубились и пошли на утекъ. Наши за ними, а они сейчасъ, какъ обернутся назадъ, какъ вдарятъ на скаку съ ружей — опять двухъ поранили.... Зло взяло братьевъ, сказать нельзя, какое!... А тутъ ужъ вотъ-вотъ и добиратся до нихъ стали.... Такъ что жъ эти Азіяты? видятъ, что не уйдутъ, пропадать приходится: повернули коней да словно бѣшеные такъ и врѣзались въ самую середину казаковъ. Зачалась тутъ у насъ сѣча: всѣхъ ихъ въ куски порубали; ну, только и они немало народу переранили.... А вотъ вѣдь живемъ ни одного не взяли: никакъ нельзя — не даются! Точно это, что настоящіе джигиты выбрались.

«Пріѣхали назадъ, а братъ мой о ту пору ужъ на посту былъ, бикетнымъ, такъ онъ конецъ этого дѣла сказывалъ. Вотъ, такъ думаю, около полудня времени, приѣбгаеть на постъ мальчишка казацкій, блѣдный такой и трясется весь.

«— Что съ тобой?

«— Дядюшки! говорятъ: — въ лѣсу Азіяты есть. Видѣлъ я двухъ.... у! страшные такіе сидятъ.... и лошадей ихъ, дядиньки, видѣлъ.... тутъ же въ треногахъ ходятъ; только лошадей не двѣ, а три: вѣрно, еще Азіятъ есть съ ними.

«Народъ на посту былъ хорошій, настоящіе казаки, все старые одни, — вотъ и взяла ихъ думка: много ли въ лѣсу нехристей, или немного?

«— Да, постоитъ-ка станичники, кабы эти Азіяты не изъ тѣхъ, что ночью на хуторъ набѣгали, а теперь, пожалуй, только и ждутъ, чтобы за Кубань за свою убраться! говорить одинъ старикъ.

«— А то не тѣ что ли?... откуда другимъ быть?

«— Такъ что жъ, братья, нѣчто такъ таки и уйдутъ они съ добромъ нашимъ?

Всталъ урядникъ—видно, заживое задѣло его рѣчь казацкая— и вызываетъ охотниковъ.

«— Да что жъ, Максимъ Петровичъ, говорятъ ему: — идти такъ идти, за нами не стоитъ: всѣ мы охотники; а на то есть ваша воля.

«Поговорили, посовѣтовались и положили такъ: будь что будетъ, — може, тамъ и голову кому положить придется, а може и добромъ черкесскимъ пораздобудемся! Наша жизнь извѣстна— на томъ и стоитъ она: «либо добыть, либо дома не быть!»

«Дождались вечерень, на посту еще осмотрѣли ружья, пороку свѣжаго на полки насыпали да и въ гозыри (*) тоже, и пошли себѣ, перекрестившись. А было насъ всѣхъ четыре человѣка, урядникъ пятый. Народу больше никакъ нельзя было взять, потому постъ тоже безъ людей оставлять не приходится: грѣха бы не было какого. Мѣста-то у насъ, видите, какія! По побережью, какъ камышъ трава растеть, частая, а тамъ кустарникъ пошелъ, да густой, словно лѣсъ тоже: тутъ не увидишь, какъ нагрянетъ партія.

«Идутъ они себѣ — а ужъ и лѣсокъ недалечко виднѣться сталъ, вошли въ опушку — урядникъ и говоритъ:

«— Теперь ползти надо!

«Положились наземь и поползли между кустами, а ползутъ тихо, тихо такъ, не то, чтобы шорохомъ о себѣ вѣсть какую подать, а чтобы и птицы лѣсной не спугнуть, а то она, какъ начнетъ летать, сейчасъ услышатъ Нагайцы, — и все дѣло дрянью пойдетъ! Утомились они ползти-то, вздохнули, а потомъ и дальше пробираться стали. Проползли еще, можетъ, сажень десятка три будетъ, глядятъ: подъ кустомъ сидятъ два Азіята и словно дремлютъ, и лошади на травѣ ходятъ, и точно не двѣ, а три ихъ, только двѣ посѣдланнныя, какъ и быть имъ слѣдуетъ, а третья такъ голая.

«Высмотрѣли все это и еще больше осторожность взяли: крадемся.... Только что жъ? шорохъ, что ли, какой Нагайцы слышали, наши что ли не убереглись, только переполошились они да къ конямъ. Наши и духъ затаили, лежатъ не шелохнутся, — думали, авось успокоются....

«Не тутъ-то было! совсѣмъ собираются тягу дать. Урядникъ видитъ, что уйдутъ: какъ вдарить по нихъ съ ружья—это ужъ такъ, чтобы поугатъ только Черкеса—такъ они чисто ни подпругъ не подтянули, ни бурокъ ни подвдывывали, а вскочили на коней да смотрятъ, что это такое, а потомъ, какъ кинутся въ самую гущу, да одинъ ужъ на бѣгу оборотился, вдарилъ съ винтовки по кустамъ: такъ и ранилъ брата, сабацій сынъ! ну, только легко ранилъ: такъ, кожу одну сдернуло....

«Опомнися только братъ, глядитъ, а по кустамъ лошадь ходить: видно, Нагайцы не успѣли распутаться — она и осталась»

(*) Гозыри — нашитые на груди черкесски напатронники.

«Кинулись за него и переняли сейчасъ. Глядь, а конь-отъ Матвѣя казака, противъ котораго ночью и набѣгъ дѣлалъ, а тревога нагайская. Пошли скорѣе на то мѣсто, гдѣ орда сидѣла эта; а тамъ и пистоль въ сафьянномъ чехолкѣ лежитъ: видно, изъ-за пояса, какъ выпалъ, — и шапка ихняя, хорошая такая шапка: курпей преотличный. Видно, сгоряча и шапки одинъ на головѣ не схватился. Ну, смѣху жъ было тогда!... Взялъ братъ пистолетъ въ руки, а стволъ такъ и горитъ, такъ и горитъ, турецкій настоящій, да чистый, чистый, серебро словно.... Онъ поскорѣе его въ свой чехолокъ сунулъ, а свой пистоль — тотъ похуже былъ — вложилъ въ нагайскій чехолокъ. Ну, братья хоть и видѣли, да промолчали: такъ онъ за нимъ и остался.

«А лошадь, шапку и все чисто приставили по начальству, а потомъ слышно было, что всѣ эти вещи съ укціона распродавались. Ну, и братній пистолетъ туда же пошелъ.»

— Ну, скажи же, пожалуйста, развѣ отбитое оружіе не казакамъ принадлежитъ?

— Кабы казакамъ! а то нѣтъ, ваше благородіе: по начальству представляется.

— А за Кубанью хорошее оружіе можно достать?

— Какъ же не хорошее!... Конца нѣту хорошее, ваше благородіе, оттого отъ самаго, что ужасные они охотники къ этому. Теперь у князей у ихнихъ по тысячѣ рублей серебра есть оружія!

«Какъ узнаетъ это князь ихній, что есть оружіе и такое, и такое хорошее, ничего не пожалѣетъ: достанетъ. Выгонитъ табунъ, и бери съ него лошадей сколько хочешь: стоять не будетъ. По семи коней не то за шапку, а за пистоль одинъ отдають; анъ семь-отъ коней и будутъ рублей двѣсти да триста, какъ перевестъ ихъ на наши деньги.

«Оттого и оружіе у нихъ завѣтное дѣлается, отъ отца къ сыну, изъ рода въ родъ переходитъ. И, точно, старое оружіе есть. Видалъ я, ваше благородіе, у князей же опять, шашки—ну, это точно, что шашки! Полоса самая легкая, легкая да гибкая, а звонкая, ваше благородіе, какъ коса звонитъ! не то на буркахъ — на панцырѣ ее пробовать нужно! (*)

(*) Остроту и достоинство шашекъ горцы пробуютъ на буркахъ: ставятъ бурку на землю и однимъ ударомъ стараются перерубить ее; не есть шашки, которыя, действительно, перерубаютъ панцырные кольца.

— А у казаковъ есть такія пашки?

— У казаковъ, ваше благородіе, рѣдки такія-то: гдѣ ее достанешь?... достатковъ такихъ не имѣемъ....

— А въ сраженіи не доводится отбивать развѣ?

— Да рѣдко тоже, ваше благородіе, хотя и много богатаго народа съ ихъ стороны выѣзжаетъ; только дорогое оружіе они пуше жизни берегутъ: какъ убьютъ такого наѣздника, до послѣдняго драться стануть, чтобы только тѣло его взять, а коли тѣло бросятъ, оружію ужь безпремѣнно снять успѣютъ. Ловкіе они, конца нѣту!

«Да вотъ что казаки рассказывали. Это было ужь давно, въ сорокъ-пятомъ, не то сорокъ-шестомъ году, такъ. Ходили они въ отрядѣ закубанскіе аулы жечь. Выѣхали, говорятъ, джигиты ихніе противу насъ, стали кружиться да то здѣсь, то тамъ гинуть.... просто, какъ снѣгъ въ метель крутятъ, да и только!... А изъ винтовокъ кругомъ: «пафъ! пафъ! только дымокъ изъ-за лѣсу показывается. Выѣхала и наша сотня, разсыпалась; только потери ни у насъ, ни у нихъ нѣту: сдалеча перестрѣливаться зачали — пуля и не беретъ. Видимъ сами, даромъ порохъ жжемъ только, и остановились. Сталь отрядъ стягиваться; а мы дожидаемъ, потому сотнѣ одной въ лѣсѣ никакъ идти не приходится: кто его знаетъ, сколько Черкесовъ тамъ!...»

«Прошло такъ съ четверть часа. Отрядъ не готовъ еще; а глядимъ, черкесня засуетилась вдругъ, и высыпало изъ лѣсу ихъ человекъ, можетъ, двѣсти будетъ. Мы ничего.

«Что это, станичники, говоримъ только: — не на ударъ ли они собираются?

«Только нѣтъ: выѣхалъ какой-то кольчужникъ, какъ жаръ, такъ и горитъ панцырь на немъ, и сталь, такъ, въ сторонѣ отъ нихъ. Безпремѣнно это князь ихъ, думаемъ. Глядимъ, какой-то джигитъ подскакалъ къ нему и подаетъ винтовку. Тотъ осмотрѣлъ ее, приложился съ коня, да какъ стрѣльнетъ: бацъ! и убилъ казака. Какъ загиается эта черкесня на насъ. Мы сейчасъ впередъ, да тоже съ ружей въ нихъ: «бацъ, бацъ!» пошла перепалка, страсть просто. Долго приловчались братья все, какъ бы этого кольчужника снять съ сѣдла; такъ нѣтъ, стоитъ словно и не въ него пули летятъ; а ужь на что пластуны стрѣляли: тѣ задаромъ пули не пустятъ, ваше благородіе, — а не беретъ, хоть ты что хочешь дѣлай!

«Такъ догадались братья, что кольчуга у него добре хорошая: не проймешь ее пулею-то. Вотъ и выискался казакъ одинъ, слѣзъ съ коня, зарядилъ винтовку, а поверхъ заряду и пусти въ стволъ иголокъ, може штукъ пятнадцать, прибилъ ихъ легкохонько пыжомъ, такъ, чтобы не просыпались только, и поползъ кустами къ тому мѣсту, гдѣ этотъ князь стоялъ. Мы всѣ глядимъ въ ту сторону, что будетъ. Прошло это время, вдругъ «баць» съ ружья, какъ крикнетъ Черкесинъ и повалился съ коня; наши бросились прямо съ шашками и отхватили его отъ Черкесовъ. Завязалась сѣча, а нѣсколько казаковъ сейчасъ съ коней долой и подбѣгаютъ къ раненому. Что жь, думаютъ, человекъ все равно еле дышетъ, а онъ даромъ, проклятый, что въ судорогахъ весь, а еще пистолемъ грозить нашимъ, а глаза такъ и ворочаются, такъ и ворочаются... страхъ, просто, напалъ на станичниковъ, остановились они и ну заряжать ружья. Видитъ князь, что ему смерть неминуемая, бросилъ о камень сначала шашку, а тамъ и кинжалъ. Зазвенѣла сталь и разлетѣлась въ куски, словно стекло простое... Вѣдь вотъ проклятые какіе! Лучше ему совсѣмъ оружіе доброе погубить, чѣмъ чтобы нашему брату казаку оно досталось!

«Такъ вотъ такимъ оно манеромъ князь уже было и за пистоль хватился, а тутъ наши какъ вдарили въ упоръ въ самый и убили его.

«Добыча съ этого князя все же порядочная досталась: сняли съ него панцырь, продали этотъ панцырь, слышно было, за двѣсти рублей, да пистоль взяли. Ужь какъ намъ было жалъ кинжала, а пуще того шашки, что князь о камень разбилъ: настоящая франка (*), булатъ, одно слово! Только одною оправою съ нихъ мы и попользовались.

«А вотъ, въ послѣднее время, стали мы замѣчать, что и у нихъ народъ бѣднѣе преимного сталъ: почти не видать панцырниковъ—повывелись. А повывелись, должно быть, оттого, что князья-то ихніе сами бѣднѣть стали; а вѣдь за панцырь триста да четыреста рублей дать надо: капиталу и нехватаетъ.

(*) Франками называется особый родъ шашечныхъ клинковъ. Они очень дорого дѣются, потому что, дѣйствительно, превосходны. Нѣкоторыя надписи и изображенія, встрѣчающіяся на этихъ клинкахъ, могутъ свидѣтельствовать о ихъ древности; по крайней мѣрѣ, преданія относятъ ихъ къ временамъ крестовыхъ походовъ.

«А то отчего бы повывестись имъ? Вѣдь панцырь для наѣздника — крѣпость та же! На коня ли вскочить, шапку ли на скаку поднять, панцырь не помѣшаетъ, потому что онъ долженъ быть вещь легкая, а пуля его не беретъ.... А въ рубкѣ-то? Какъ врѣжется такой дьяволъ въ сотню—и пошелъ крошить направо и налево; а ты ему ничего не можешь сдѣлать, развѣ коня подобьешь, да и то ужъ съ пѣшимъ-то возишься, возишься, насилу одолѣешь! Такъ братья иголками потрафили стрѣлять... иголки тонкія, такъ промежъ колецъ внутрь и проходятъ. Оно точно, что въ мукахъ человѣкъ помираетъ, и звѣрское это дѣло, ваше благородіе, а что дѣлать!... Просто обороны отъ нихъ не было.

«— Отчего же они бѣднѣть-то стали, какъ думаешь? спросилъ я.

«— Да думается такъ, что и имъ теперь трудно, ваше благородіе: хозяйствомъ заниматься нельзя. Что годъ, то и потѣснять ихъ съ равнинъ-то, то, гляди, наши станицу выстроитъ то крѣпость новую поставятъ, а подъ пушками тожь табуновъ держать не приходится. Вотъ они все дальше да дальше въ горы и уходятъ; а горы какія! камень одинъ: что съ нимъ въ хозяйствѣ сдѣлаешь? А тутъ и еще вотъ что: раззорили они въ сорокъ-четвертомъ году, что ли, Черноморскую береговую линію, а ее опять постановили, да крѣпчай прежняго. Это хуже всего для нихъ было: шабашъ съ Туркомъ якшаться! ни ему до нихъ, ни имъ до него никакъ нельзя!

«— Да вотъ, ваше благородіе, къ слову пришлось спросить, отчего это Турокъ ли, Персіянинъ ли, хотя то же Азіяты будутъ, а совсѣмъ не то, что Черкесъ нашъ? Подъ Карсомъ, какъ наши были, кинутся только, бывало, а тѣ сейчасъ: «яманъ! яманъ!» да ужъ развѣ съ испугу кто изъ нихъ выстрѣлитъ, а то повернули назадъ и пошли уходить... Небось, Черкесъ нашъ не такой! Тутъ смотри, какъ бы самому голову съ плечъ не сняли. Пожалуй, и не услышишь!

«— Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, они вамъ никогда не даютъ покоя?

«— Нѣтъ! вотъ лѣтомъ либо зимою, точно, что ничего не бойся.... Когда, когда что случится тамъ. Нельзя Черкесу кидаться: кругомъ сакма, слѣдъ — куда онъ пойдетъ? За то ужъ осенью самая пора ихняя: ночи раннія станутъ да темныя. За-

поздаешь ину пору въ полѣ, ѣдешь откелева нибудь, такъ ужь и держишь ружье насготовкѣ: того и смотри, что вотъ вывернется дьяволъ!

«Да чего, еще недавно со Ставрополя ѣхали два казака съ ярмарки, ѣхали они на быкахъ и запоздали въ полѣ, да, вмѣсто того, чтобъ ужь другъ дружки держаться, одинъ поотсталъ, другой впередъ поѣхалъ, такъ, безъ опаски безъ всякой. А съ тѣмъ, что упередъ ѣхалъ, и мать была, старая такая старушка, и сынишко былъ, годку по двѣнадцатому. Ёдутъ они, а время подъ вечеръ было, стали подъ хутора подѣзжать подъ наши, а тамъ пригорки да яры пошли.... конца нѣтъ, глубокіе яры эти. Смотритъ казакъ, а на пригоркѣ чернѣетъ чтой-то, ровно птица сидитъ. Онъ смотрѣтъ, смотрѣтъ, а она какъ взмахнетъ крыльями и кабысь за пригорокъ полетѣла.

— «Вонъ, старуха, смотрика-сь, орелъ полетѣлъ, говоритъ казакъ.

«Орелъ, да орелъ. А эти Черкесы что дѣлають? возьмутъ, собачьи сыны, спрячутся въ котловину какую, а одинъ на пригорокъ выберется, накинеть бурку на голову и сидитъ наподобіе орла, а потомъ, какъ выслѣдитъ все, разставитъ руки подъ буркою-то да какъ замахаеть, замахаеть ею, какъ крыльями, и за пригорокъ! Ну, точно орелъ съ этого мѣста слетѣлъ. И на что теперъ казаки есть хорошо видять, а не распознають, что оно есть такое...

«Ну, хорошо; слетѣлъ только орелъ-то этотъ, какъ посадятся на коней тѣ, что въ яру были, какъ выскочутъ вдругъ, и вотъ они! Видитъ казакъ: Черкесы! хватъ ружье, да обернулся только, а товарищъ, что позадь его ѣхалъ, ужь быковъ своихъ бросилъ да къ нему бѣжитъ: вдвоемъ все ловчѣе, можетъ и отбиться бы чѣмъ Богъ далъ, кабы вмѣстѣ-то они были; ну, только Черкесы не спустили до этого: какъ вдарили съ ружей, такъ и вытянулся казакъ одинъ! Кинулись къ другому, а тотъ назадъ и назадъ, да все такъ пятится отъ нихъ задомъ-то, а ружьемъ водить на всѣ стороны. Вотъ они и идутъ все по слѣдамъ, по слѣдамъ, а кидаться не кидаются. Шелъ это, шелъ казакъ задомъ, да какъ зацѣпится вдругъ за кочку, какъ упадетъ черезъ нее—тѣ къ нему: зачали его рубить шашками, зарубили его, сейчасъ къ возамъ кинулись, забрали это оружію, одежду, какая была съ казаками, товары, рыбу съ те-

лѣгъ повыбирали, хлѣба только не взяли — повыбрасывали; повыбрасывали мѣшки эти, да такъ и раскидали по полю.

«— Отчего же они хлѣба не взяли?»

«Не берутъ хлѣба, никогда не берутъ: терпѣть этого не могутъ. Говорятъ, у насъ такъ, что хлѣбъ еще и самъ не дастъ себя: вишь, онъ святой—вотъ онъ что!... Ну, повыбрасывали хлѣбъ этотъ, а быковъ, и мальчика даже, все съ собою позабирали.

«Только какъ сдѣлалась самая эта тревога у нихъ, старуха— а вѣдь умная такая старуха была — бросилась съ воза да по грядкамъ, по грядкамъ — а тутъ паханныя мѣста у насъ — и полѣзла. Запраталась это въ горохъ и сидитъ тамъ!»

«Такъ это ужъ она все по́томъ сказывала. Видѣла, говорить, чисто все видѣла. Бугаевскій это и партію подвелъ.

— А кто жъ это Бугаевскій? спросилъ я.

— Это бѣглый казакъ, ваше благородіе. Вотъ и старуха его тогда видѣла. Ъздилъ, говоритъ, онъ на сѣрой лошади, и бородачи такая черная, черная!

«Какъ стали Черкесы назадъ ѣхать, Бугаевскій какъ разъ возлѣ самой, возлѣ старухи, проѣхалъ, и глянулъ на нее даже, ну только не схотѣлъ трогать, щелкнулъ нагайкой и проскочилъ мимо.

«— Ну, а съ мальчикомъ что сдѣлалось?»

«Увезли въ горы; а по́томъ ужъ и не слышно ничего. Сколько доводывались черезъ мирныхъ, куда дѣвался—никто не знаетъ. Должно, померъ онъ, ваше благородіе; а то какъ бы не отыскаться!»

«— Такъ у васъ случается, что и въ плѣнъ берутъ?»

«— Какъ этому не случаться!... Разъ, ваше благородіе, Азіяты эти совсѣмъ у насъ хуторъ разбили; такъ семь душъ увезли въ плѣпъ съ хутора съ этого...

«— Какъ же имъ удалось это?»

«— Какъ удалось, такъ это послушать только!»

«Стояль-отъ хуторъ подь-надъ самою Кубанью, и другихъ хуторовъ тамъ много было; ну, только этотъ, просто, богаче всѣхъ выдался. Владѣли имъ у насъ три брата, простые казаки, а достатокъ ужасный у себя имѣли: однѣхъ овецъ головъ тысяча три, не меньше того, въ отарахъ ходило. И мѣсто-то самое, гдѣ хуторъ стоялъ, не то чтобъ ужъ очень опасное: перейдти Кубань только, а тамъ полверсты—больше не будетъ—

постъ стоитъ, да каменный постъ, крѣпкій такой. И думалось нашимъ все, что вотъ, молъ, оборона подъ рукою есть: не дадутъ Азіяту перейти сюда.

«А Нагайцы спровѣдали ужъ, что хуторъ богатый и пожива въ немъ будетъ. Но какъ напасть на него? Постъ близко; опаску держать такую, что и имъ, пожалуй, не сдобровать, если съ поста да хутору помощь подадутъ. Вотъ Азіятъ и поднялся на штуку.

«Пріѣзжаютъ разъ два Нагайца на хуторъ—а время такъ на вечеръ было—заѣхали на хуторъ этотъ, спросили хозяина и говорятъ:

«— Вотъ, молъ, ѣдемъ мы и туды и туды. Не позволишь ли заночевать намъ на хуторѣ?»

«А двухъ братьевъ дома не было; оставался одинъ. Вотъ онъ и задумался.

«— Да что, говорятъ ему: — опасаясь? мы мирные: вотъ тебѣ и кагать нашъ.

«А хозяинъ этотъ по нагайски таки зналъ немного: посмотрѣлъ на кагать, —точно, прописано въ немъ все, какъ быть слѣдуетъ: «что вотъ, молъ, эти Нагайцы мирные и ѣдутъ они и туды и туды. Точно, путь не близкій.

«— Да какъ же вы-то принимаете къ себѣ неизвѣстныхъ людей? перебилъ я.

«— А у насъ теперь это часто бываетъ, ваше благородіе, что Нагайцы заѣзжаютъ, отвѣчалъ онъ.—Вотъ и у насъ на хуторѣ сколько разъ заночевывали, а таки сказать такъ, что никогда ничего не случилось.

«Вотъ и тогда, подумалъ, подумалъ хозяинъ. Что жъ, говорить, ничего, вѣзжайте.

«Вѣзхали они, постановили лошадей на конюшню, задали имъ корму, а оружію съ себя сейчасъ снимали всю, подаютъ хозяину: за тѣмъ, ваше благородіе, чтобы онъ, значить, никакой опаски не имѣлъ на этотъ счетъ даже (*), отдали, а сами и выходятъ на дворъ.

«— А что, говорятъ, нельзя ли у васъ гдѣ барана купить? ѣсть хочется. Что будетъ стоить, мы заплатимъ.

(*) Гость всегда снимаетъ съ себя оружіе и передаетъ его хозяину, въ знакъ того, кажется, что тотъ обязанъ защищать его въ своей саклѣ до послѣдней капли крови.

«А вѣдь она, орда эта, такая безпутная, что три дня ѣхать будетъ и три дня проголодаеть, пожалуй, а чтобы да хлѣба съ собою про запасъ взять, такъ не беретъ: нѣтъ на это обычая такого.

«— Погодите, говоритъ имъ хозяинъ: — вотъ пригонять отары наши, тогда продадимъ, пожалуй. Это ничего, можно.

«А тутъ и отары по кошамъ (*) загонять стали. Такъ, съ версту отъ хутора, коши эти, больше и не будетъ.

«— Вамъ какого барана надо? спрашиваетъ хозяинъ опять.

«— За одну монету (**).

«— Ладно.

«Привели имъ барана такого, они сейчасъ и деньги отдають: совсѣмъ честными прикинулись. Разложили огонь посередь двора, повѣсили казанокъ — и казанокъ-отъ хозяинъ имъ далъ—и стали барана готовить себѣ.

«Поѣли немного, а тѣмъ временемъ хуторъ заснулъ, и они положились тоже на дворѣ вокругъ огонька-то, только не спятъ: вслушиваются, значить, что будетъ.

«Эти двое, что заночевать выпросились, передовые отъ Черкеса были. Партія самая, какъ вышла вечеромъ съ аула своего, такъ неподалечку въ лѣсу и притаилась, ждетъ ночи. А ночь, какъ нарочно, темная да темная выбралась. Вотъ и поднялась эта Черкесня, человекъ съ полсотни. Переправились они за Кубань, подошли подъ хуторъ. Стукъ, стукъ въ ворота.

«— Кимъ адамъ? (что за люди?) спрашиваютъ ихъ Нагайцы со двора.

«— Монъ (свои).

«Тѣ сейчасъ какъ хватили колотушкой по засову, отбили ворота, партія и кинулась да прямо къ сараямъ: лошадей берутъ, скотинку гонять. Работникъ на дворѣ былъ, кричать сталъ.

«А собаки брешутъ, просто, не дай Богъ какъ.

«Хозяинъ и проснулся. «Что такое?» схватилъ сейчасъ ружье да выскочилъ, только видитъ, Азіяты: какъ вдарить съ ружья! а тѣ съ трехъ ружей въ него, такъ и вытянулся онъ на по-

(*) Кошь—большое, огороженное мѣсто, куда загоняются табуны, стада или овечьи отары. Если кошь далеко отъ жилья, гдѣ нибудь въ степи, въ немъ устраиваются землянки, для помѣщенія табунщиковъ, или чабановъ. *Лет.*

(**) Монета — значить рубль.

Лет.

рогѣ. Вытянулся это онъ, а они черезъ него да въ хату, а въ хатѣ тожь и бабы наши были и работники, и довольнос-таки число было ихъ, только оробѣли очень. Приперли двери да и думаютъ отсидѣться этакъ. Ну, и точно, попробовали Азіяты силкомъ — не беретъ ничего, выбѣжали опять на дворъ да съ двухъ угловъ хату и запалили. Какъ схватится это полымя, Боже ты мой! Скотина реветъ, собаки лаютъ; хуторяне въ хатѣ кричатъ: дымомъ душить ихъ зачало. Содомъ поднялся такой, что глядѣть, просто, страсти! Что хлѣба тогда погорѣло одного въ хуторѣ этомъ: не меньше будетъ, какъ рублей на тысячи на двѣ серебра!

«А кто въ домѣ сидѣлъ, тѣмъ и совсѣмъ плохо пришлось: только стали они съ полымя кидаться, а Черкесы стоятъ тутъ, ловятъ и вяжутъ, да семь, а не то такъ восемь душъ и набрали плѣнныхъ на хуторѣ.

«Только что теперь на посту было, сказать нужно, ваше благородіе!

«Какъ зачали Азіяты на хуторѣ съ ружей бить, часовой услыхалъ, сталъ прислушиваться, а тутъ какъ схватится вдругъ полымя да зарево надъ хуторомъ. Онъ сейчасъ въ казарму.

«— Вставайте, кричить: — хуторъ громятъ!

«Урядникъ какъ выскочить:

«— Тревога, на конь!

«Поднялась суматоха.

«— Что? что? хуторъ разбили!

«Выскочили казаки—а на дворѣ какъ днемъ свѣтло отъ зарева — посажались на коней, да только ворота открыли да кинулись разомъ всѣ... А черкесская партія оставила нѣсколько человекъ у поста—тѣ казаковъ поджидали; да съ кустовъ какъ затопятъ въ нихъ съ ружей: человекъ трехъ, не то четырехъ положили на мѣстѣ. Ну, что жъ, этого не ждали, точно громомъ ихъ невзначай хватило. Они и кинулись назадъ въ постъ.

«— Почему же они не бросились въ шашки?

«— Какъ въ шашки броситься? Кто знаетъ, сколько теперь тамъ Черкесовъ есть? Такъ вѣдь и всѣхъ посрубить могутъ! Да еще темень такая, что хоть глазъ коли: нашимъ со свѣту и не видно ихъ, и казаки имъ отъ зарева пожара какъ на ладони показываются... Куда жъ тутъ броситься?

«Заперли они казаковъ на посту: ни туды, ни сюды нельзя

имъ! А тѣмъ временемъ и на хуторѣ Черкесы справились да съ плѣнными, съ лошадьми такъ и пошли; однѣхъ отаръ овечьихъ не тронули: прогнать черезъ линію нельзя—вотъ главное дѣло! Овца идетъ тихо: съ нею не убѣжишь, какъ погони со станицъ зачнутся; ну, а лошади—ничего: это имъ сподручно.

«Переправились опять за Кубань, прошли мимо самаго поста этого, да какъ отошла партія далеко ужь, и тѣ, что въ засадѣ около поста сидѣли, на конь и маршъ за ними. Выскочили тогда и казаки съ поста, а кругомъ ужь по станицамъ тревога идетъ. Собралось тогда казаковъ сотни три, можетъ, и какъ разъ на сакму (*) напали. Какъ погонять во весь духъ за Нагайцами, проскочили пять, десять верстъ, да что духу было спѣшили—кони и позамаривались. Что ни верста, то лошадей десять затрусатся подъ сѣдлами, ухватятся зубами за траву и не идутъ дальше: совсѣмъ притомились. А у кого кони крѣпкіе были, тѣ гонять да гонять... да этакимъ-то дѣломъ съ сотенъ со всѣхъ казаковъ тридцать, можетъ, и осталось... А тутъ и Азіятовъ увидѣли.

— «Вотъ, вотъ идутъ они! какъ гикнуть наши да нагайками, да нагайками по конямъ-то! Разожгли ихъ, какъ звѣри подѣмались, такъ и рвутся изъ-подъ сѣделъ! И совсѣмъ ужь было добираться стали, какъ тутъ лѣсокъ за поляною выдался. Азіяты въ него. Немного не прихватили ихъ... Ну, извѣстно, въ лѣсъ-то тридцати да противу пятидесяти идти не приходится—изъ-за кустовъ перебьютъ всѣхъ—такъ и осталось дѣло за Нагайцами.

«Опосля этого ужь братъ убитаго-то прискакалъ на хуторъ, засталъ одно пепелище, погоревалъ на братней могилѣ да и сталъ стараться за плѣнныхъ-то. Значитъ, жена братняя въ плѣну оставалась: за ней жалѣлъ очень. Ну, своихъ всѣхъ выкупилъ. А что тысячь сколько серебра пошло тогда въ горы, такъ это вѣрно! Мѣшками, просто, деньги возили. Все дѣло черезъ мирныхъ лазутчиковъ шло.

«Ну, а теперь оставшіеся два брата опять на хуторѣ живутъ; обстроились, ваше благородіе, — ничего! Достатокъ—таки имѣютъ люди, — это, что говорить; ну только гдѣ ужь! и въ половину противъ прежняго нѣтъ ихъ. Вотъ какъ обдѣлала ордюка поганая!

(*) Сакма — сѣдь.

«— А случается у васъ, что станицы берутъ?»

«— Станицы?... нѣтъ!... этого даже и старики у насъ не запомнятъ: куда имъ!... вокругъ да около мутить, пожалуй, стануть, а чтобы на станицу да кинуться — не кинутся. Большое да большое ужъ развѣ собраніе ихъ будетъ, такъ подойдуть, а сдѣлать и тутъ нечего не сдѣлаютъ.

«Вотъ за мою память подходили разъ. Задумали это они совсѣмъ раззорить станицы наши. Какъ спровѣдали объ этомъ лазутчики, и даютъ знатъ: что вотъ, молъ, въ горахъ вѣсти какія: берегитесь! Суворовскую (*) раззорить хотятъ. Ну, и пошли это, пошли по линіи цидулки (**), чтобъ береглись казаки: значить, черкесня поднимается. И таки собралось ихъ большое собраніе — тысячъ пять, не то шесть, говорили тогда — и двинулись.

«Братъ мой на кордонѣ былъ. «Вотъ говорить, сидимъ мы на посту и все глядимъ съ вышки: одни — за Кубань, не наглядятъ ли партіи, а другіе — по сторонамъ, не замаячутъ ли гдѣ по станицамъ на тревогу. Въ самый полдень видимъ, двое конныхъ такъ изъ кустовъ выѣхали да въ балкѣ и схоронились. Стали это станичники говорить промежь собою, что Азіаты это, а тутъ изъ-за лѣса, какъ выдвинутся вдругъ. И точно, конца не видать имъ. Черкесы идутъ! Такъ и повалили къ Кубани! Наши сейчасъ запалили маякъ, посадились на коней и смотрятъ только, гдѣ Кубань переходить стануть... А тѣ, какъ выскочутъ на берегъ, какъ кинутся къ нашимъ прямо. Казаки назадъ, вскочили въ станицу. «Идутъ!» говорятъ.

«А Черкесы и повалили по линіи, такъ и гонять все, мимо двухъ станицъ прошли и все кабы-сь на Суворовскую. Неладно въ такое время на линіи, ваше благородіе! Съ кордона да съ постовъ казаки подѣзжаютъ, хутора побросаютъ, станицы позапрутъ кругомъ: просто, дѣваться некуда!... Шли это они, шли на Суворовскую, да вдругъ на Бекешевскую и кинулись. Думали врасплохъ застать. Обложили они ее кругомъ, словно туча, да все конные; были и пѣшіе, ну да только малость самая...

«Какъ повернули они на Бекешевскую (***), поднялась тамъ тревога: всѣ на площадь выскочили, постановились за оградой,

(*) Суворовская станица — Хоперскаго казачьяго полка, на р. Кумѣ.

(**) Цидулка — письменное приказаніе начальства, посылаемое съ особыми нарочными.

(***) Бекешевская станица — на Кубани, тоже Хоперскаго казачьяго полка.

пушки станичныя туда же перетасили, и ждутъ: «вотъ-вотъ, молъ, кинутся». Ну, да пока плетень-отъ этотъ руками разбирать начнутъ—а онъ въ два ряда у насъ становится—пройдетъ время довольно; а тутъ можетъ и помощь дадутъ. Отряды по линіи въ сборѣ были.

«Ну, хорошо.... Стали Черкесы собираться—растянулась вѣдь орда эта по дорогамъ то—да ужъ около самыхъ вечеренъ и пошли на станицу. Одинъ на бѣлой лошади— князь онъ ихній, должно быть, былъ— ѣдетъ къ станичнымъ воротамъ впереди всѣхъ, а Черкесы за нимъ.

«Только стоялъ у насъ на валу казакъ. Нѣмой онъ былъ, и за тѣмъ, ваше благородіе, былъ онъ не служащій, а стрѣлецъ, такъ по станицѣ первый, страстный охотникъ: на кабановъ, на оленей повсегда хаживалъ: любилъ это дѣло! Вотъ стоитъ онъ и смотритъ: сталъ только этотъ, на бѣлой-то лошади, подѣзжать ближе, ближе, нѣмой какъ приложится сейчасъ, какъ вдаритъ со стуцера, такъ и скинулся съ сѣдла тотъ.... Тутъ Черкесы эти «дупоръ, дупоръ, дупоръ»... подхватили его съ собою да назадъ!

«А тутъ по нимъ со станицы съ ружей да съ орудій жарить зачали: ну, извѣстно, не устояли—пошли на попятный! Прошло этакъ съ часъ времени—оправились они что ли—опять пошли на станицу, какъ вдарили картечью—опять отогнали.

«Вотъ этакъ-то день-деньской и побились наши, не пили, не ѣли, да и на умъ-то ѣда не шла. Все такъ и думалось, что возьмутъ они станицу. Вдругъ самымъ ужъ вечеромъ, какъ поднимется орда вся, наши глядятъ: а они и совсѣмъ отъ станицы потянулись.

«— Что, молъ, это такое? стали казаки говорить, а тутъ какъ загремятъ гдѣ-то выстрѣлы—смотримъ: отрядъ подошелъ. Ну, ваше благородіе, какъ гора съ плечъ свалилась! Только, какъ это было, скажу вамъ.

«Полкомъ нашимъ тогда командовалъ Крюковской, и былъ онъ съ сотнями въ сборѣ на линіи, а тутъ, какъ узналъ вдругъ, что на станицы его напали, схватилъ свои двѣ сотни да съ ними и побѣжалъ къ Бекешевской. Прибѣжалъ къ намъ, глядь, а Черкесовъ-то видимо невидимо! Онъ сейчасъ другому казачьему генералу и даетъ знать: «поспѣшайте, молъ, какъ можно скорѣе: у меня тутъ двѣ сотни всего—пропадать мнѣ приходит-

ся!» А самъ все къ станицѣ бѣжить. Такъ Черкесы, какъ замѣтили казаковъ этихъ, оставили Бекшевскую-то, какъ я вамъ сказывалъ, и потянули противу нихъ, да какъ бросятся на Крюковскаго прямо. Тотъ сейчасъ: «съ коней долой!» какъ затопятъ наши съ ружей изъ-подъ коней, тѣ въ нихъ! перепалка здоровая пошла. Черкесы и пытались было въ шашки-то кидаться, да не припадаетъ имъ: устоять не могутъ!...

«А Крюковской этотъ одинъ на конѣ сидитъ, проежъ казачковъ.

«—Ничего, кричить:—братцы, не робѣйте, держитесь крѣпче. Богъ дастъ «Азіятовъ побьемъ!»

— Да это какой Крюковской, спросилъ я: — что послѣ атаманомъ у васъ былъ?

— Онъ самый.... Такой онъ былъ вояка страшный, что думали, конца ему нѣту! да кто его знаетъ, какъ и сказать про него, ваше благородіе, ничего человекъ не боялся. Говорили у насъ такъ, что будто онъ заговоръ знаетъ отъ пули.

«Ну такъ вотъ Крюковской провозился такъ, пока только отряды не подбѣжали. Какъ подошли солдаты эти да казаки съ генераломъ своимъ да какъ стали жарить орду со всѣхъ сторонъ: Господи, что тогда Азіятовъ положили!... Такъ, съ тѣхъ поръ, до самаго до прошлаго года и не подходили къ станицамъ.

— А въ прошломъ году, что жъ — опять нападали?

— Нападали, да насилу ноги унесли только: опять партію ихнюю расколотили.

— Какъ же это было, расскажи, пожалуйста?

— Да вотъ какъ было, началъ онъ:

«Разъ вечеромъ стоятъ на кордонѣ казаки, глядятъ за Кубань: что за диковина тамъ?... Выткнутся, выткнутся изъ-за лѣса конные и опять въ лѣсъ!... То ли мирные чего, то ли партія?... Стали толковать: «послать разѣздъ».... А тутъ вскорѣ и солнце сѣло да темень такая взялась по землѣ. Вотъ эти Черкесы какъ выскочутъ изъ-за лѣса вдругъ. Глядь наши: собраніе! Побросали сейчасъ эти кордоны да въ станицу. Тамъ ворота на заперъ, да только захлопнули ихъ, а Черкесы — и вотъ они! Подбѣжали было къ станицѣ-то да какъ метнутся вдругъ на хутора, на наши, и пошли писать туда! А на хуто-

рахъ въ тотъ день, какъ нарочно, все бабы однѣ оставались....
«Ну, думаемъ, конецъ пришелъ ихній!»

Станичный начальникъ у насъ молодець былъ, старый ужъ, а живой да крѣпкій такой старикъ, и пошелъ сейчасъ по станицѣ ходить: все ли въ порядкѣ у насъ. Да глядь на валъ-то; а на валу казаки стоятъ служащіе.

Какъ крикнетъ:

«— Вонъ!... Вы что тутъ дѣлаете?... пошли за станицу всѣ!... Развѣ ваше мѣсто на валахъ стоять?...

«— Да, ваше высокоблагородіе...:

«— Вонъ!... Попропадаютъ хоть себѣ за станицею всѣ!... чтобъ духу тутъ вашего не было!

«Старшій урядникъ — и почтенный-таки урядникъ былъ — да что жъ, говорятъ, Илья Иванычъ, вы гнѣваться изволите? приказано намъ было на валахъ стоять, мы и стояли. А прикажите въ поле идти, мы и въ поле поидемъ.

«— Пошли! пошли! кричитъ старикъ-отъ, да такъ расходился, что и слушать ничего не слушаетъ.

«Ну, выѣхала сотня, стали считать себя: разъ, два, три.... и всего-то до семидесяти насчитали, а Черкесовъ тысяча!... Какъ тутъ идти?...

«— Да что жъ, говоритъ одинъ: — у меня мать тамъ! а другой: у меня жена! — Такъ все одно, пропадутъ онѣ, пропадать и намъ съ тоски придется. Поидемъ съ Богомъ!» — И поскакали....

«Стали подъ хутора подбѣгать, а тамъ-то, Боже мой, стоны, да вопли, да пожары горятъ!... Подумать страшно! Каждаго такъ и схватило за сердце. Бросились они въ хутора самыя, какъ зачнуть съ ружей бить, съ пистолей бить, гикаютъ, а потомъ, какъ крикъ поднимутъ: сюда, сюда, братцы!... здѣсь они! здѣсь они!... солдатъ живѣ!... а ночь хоть глазъ коли: ничего не видно.

«Какъ услышали это Черкесы, такъ и схватились: что за чортъ такой? А какъ задѣло одного, другаго пулями, какъ спужаются они вдругъ — взаправду, думали, отряды бѣгутъ — какъ завалили назадъ, такъ чисто все побросали; дай Богъ ноги унести только!... Наши за ними, да кричатъ, да все кричатъ, а Черкесы все шибче да шибче отъ нашихъ уходятъ: напужались дюже! А тутъ нѣсколько казаковъ въ самую середину

ворвались къ нимъ, скачутъ тутъ же, а бить кого, не знаютъ: ничего не видно, какъ бы своего не зацѣпить.... Такъ стали это они ужь прислушиватся, какъ зачнетъ кто по своему: «джюръ-джюръ», пырь того кинжаломъ въ бокъ. Да такимъ манеромъ чловѣкъ ихъ съ десятка два и положили, а они нашихъ никого.

«А потомъ и задніе казаки смекнули дѣломъ: обскакали ихъ заразъ съ боку, какъ гикнуть, и заворотили всю партію на такое мѣсто, гдѣ знали, что гора есть, да гора склизкая, а подь горою круча. Такъ тутъ ихъ еще немало положили, пока партія за Кубань не ускакала.

«На утро казаки, что оружія подоставали себѣ хорошаго, что одѣжи снимали да сѣдель этихъ — сказать нельзя. Вотъ и я тогда свою шашку вымѣнялъ; да такая шашка досталась мнѣ, конца нѣту, хорошая: она должно быть, что гурда настоящая!...

«— Что жь этимъ казакамъ сказали «спасибо»?

«— А какъ же, ваше благородіе! вся станица встрѣчала ихъ; тутъ съ ружей, съ пистолей били, джигитовку завели сейчасъ, какъ о масляной, все одно, загуляли, ну и всѣмъ сгорьевскіе кресты пѣтомъ вышли, кавалерами теперь стали, нечто!

«— А станичный начальникъ не бранилъ ихъ послѣ — а? что онъ имъ сказалъ, какъ они вернулись?

«— Смѣялся потомъ старикъ. «Это вы, говоритъ, мнѣ спасибо скажите, я вамъ кресты понавѣшивалъ, а простояли бы на валахъ, никогда не получили бы ихъ.... ну, и хутора бь они разбили наши, и мы бы законъ не соблюли. А законъ, говорить, это первое дѣло!...»

Разговоръ мой съ казакомъ порядкомъ продлился. Я посмотрѣлъ на часы: пора была спать. Я простился съ своимъ собесѣдникомъ и, усталый, скоро заснулъ мертвымъ сномъ.

Утромъ разбудилъ меня пріѣздъ хорунжаго, возвратившагося съ поста ранѣе, чѣмъ ожидалъ его драбантъ.

ДРАГУНЪ.